

УДК 81.42

Щербак Нина Феликсовна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, Санкт-Петербург;
e-mail: alpha-12@yandex.ru

**«Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ МУЧИТЕЛЬНО»: ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА — ИСТОКИ,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МИФЫ**

Целью данной статьи является рассмотрение основных тем и мотивов, использованных поэтом Константином Бальмонтом в переводах поэзии английских и немецких представителей эпохи романтизма. Акцент сделан на автобиографических сведениях и воспоминаниях современников. В работе использованы также научные труды, в которых анализируется переводческая деятельность К. Бальмонта.

Ключевые слова: поэзия и переводы Константина Бальмонта, поэзия Серебряного века.

Nina F. Scherbak

Candidate of science, Senior lecturer,
St. Petersburg State University, English Department S. Petersburg

**“I WILL WAIT FOR THEE”: TRANSLATIONS BY KONSTANTIN
BALMONT — SOURCES, INTERPRETATIONS AND MYTHES**

Abstract. *This article aims at considering the main topic and motives related to poetic works by Konstantin Balmont, as well as his translations of English and German poetry of the Romantic period. The focus of research is on biographical data and reminiscences of the contemporaries, we also took into account the analysis of translations by K. Balmont.*

Keywords: *verse and translations by Konstantin Balmont, myth, poetry of the Silver age.*

Для цитирования:

Щербак Н. Ф. «Я буду ждать тебя мучительно»: переводческая деятельность Константина Бальмонта — истоки, интерпретации и мифы // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2. С. 16–20.

Константин Бальмонт оставил большое наследие, однако многие поэты, говорили, что количество «значимых стихотворений» у него все же невелико. Осип Мандельштам писал, что «от Бальмонта с его горящими зданиями, мировыми поэмами, сверхчеловеческими дерзновениями и демонической самовлюбленностью осталось несколько скромных хороших стихотворений». Иван Бунин — автор, весьма строгий в оценках любого поэтического творчества, — отмечал, что поэт был «удивительный человек», «за всю свою долгую жизнь не сказавший ни единого словечка в простоте, называвший в стихах даже тайные прелести своих возлюбленных на редкость скверно». Сходным образом друг и соратник Бальмонта М. Цветаева упоминала о нём как о «самоопьяняющей птице», «заморском госте в русской поэзии». При этом Бальмонт-поэт широко известен, является одним из ярчайших представителей эпохи Серебряного века благодаря яркому жизненному пути, смелому во всем, в чем-то совершенно эпатажному, полному встреч с известными людьми той эпохи, писателями, художниками.

Известен Константин Бальмонт, без сомнения, и как талантливый переводчик. Охват авторов, тем и мотивов его переводов огромен. Трудami поэта русский читатель познакомился с английскими романтиками Дж. Байроном, У. Вордсвордом, С. Кольриджем, П. Б. Шелли, с творчеством прерафаэлиты Д. Россети, а также У. Шекспиром, Т. Элиотом. Среди переводов Бальмонта и французская поэзия Ш. Бодлера, испанская драма в лице Лопе де Вега, многочисленные переводы немецких романтиков, произведений польских, грузинских, армянских, литовских авторов [8].

Интересен выбор Бальмонтом в качестве объекта перевода творчества Оскара Уайльда. Современный исследователь Е. Л. Сушко [9] обращает внимание на то, что становление мифа и мифомышления в литературе Серебряного века традиционно связывают с символизмом, отличительной особенностью которого становится всеобъемлющая мифологизация явлений, исторической, общественной и личной жизни. В этом смысле, мифологизация творчества Оскара Уайльда в России — своеобразный феномен. Портреты Уайльда выставлялись в витринах столичных книжных магазинов, его изречения цитировались, на него постоянно ссылались, о нем спорили, ему подражали, в том числе и в экстравагантных туалетах *à la Wilde*. Об Уайльде писали все ведущие русские журналы: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Современный мир», — даже если и не разделяли взглядов англо-ирландского классика. Произведения этого английского автора на рубеже XIX–XX веков выходили огромными тиражами, их активно переводили на русский язык лучшие поэты Серебряного века. Одна лишь «Баллада Рэдингской тюрьмы» переводилась 17 раз лучшими представителями русской поэзии Серебряного века В. Брюсовым, Н. Гумилёвым, М. Кузминым,

Ф. Сологубом, даже В. Маяковским. Более того, В. Маяковский первую главу своей поэмы «Про это» назвал «Балладой Рэдингской тюрьмы».

Одним из первых поэтов, открыто восхищавшихся Уайльдом, был Константин Бальмонт. В ноябре 1903 года на заседании Московского литературно-художественного кружка К. Бальмонт сделал доклад «Поэзия Оскара Уайльда», где во всеуслышание заявил: «Оскар Уайльд — самый выдающийся английский писатель конца прошлого века». Доклад был опубликован на страницах журнала «Весы» как статья, в которой Бальмонт рассказывал о первой встрече с Уайльдом, по сути, представлял русскому миру развенчанного на родине гения и тем самым мифологизировал Уайльда, создавая образ загадочного гения, непонятого и отвергнутого своей страной [1]. О встрече с Оскаром Уайльдом Бальмонт вспоминал неоднократно. Рассказывал об английском поэте, писателе и драматурге с неподдельным восхищением, в то время как англичане нарочито небрежно отзывались о писателе и совершенно не стремились поддерживать какое-либо выражение восторга в его адрес.

Переводы Бальмонта по качеству работы поэта над исходным материалом различны: есть и буквальный перевод, что называется с дословной точностью (как в случае работы над поэмой грузинского классика Средневековья Ш. Руставели при сохранении приближенного к оригиналу названия «Носящий барсовому шкуру» и стихотворного размера подлинника — «восьмистопного трохея» с четырёхкратным повторением рифмы как наиболее достойного в отображении «пышной красоты <...> грузинских слов, построенных на мужественной силе согласных» [2]), а есть и довольно свободный, со значительной авторской доработкой (как, например, отдельные эпизоды вольной интерпретации «Саломеи» О. Уайльда). Такое отношение Бальмонта к переводу «собратьями по перу» оценивалось по-разному: вызывало критику С. Маршака и К. Чуковского, но всяческое одобрение Б. Пастернака. Следует заметить, что один из переводчиков Рильке (по воспоминаниям о Владимира Вейдле «О поэтах и поэзии») говорил о том, что смешно будет переводить полное собрание сочинений Рильке, так как нужно все-таки влюбиться в конкретное стихотворение [4]. Подобный вывод В. Вейдле делает и при сопоставлении двух знаменитейших переводов стихотворения Гёте: Лермонтовым «Горные вершины спят во тьме ночной» и И. Анненского «Над высью горной тишь». Второй вариант более дословный, а первый, как известно, даже несколько превосходит оригинал [там же, 80–81]. К. Бальмонт в данном случае, как именитый символист ощущает магию слова, которое самое по себе несёт много информации о мире. Как любой символист (вспомнить хотя бы многочисленные труды А. Белого о символизме) Бальмонт, с одной стороны, приближает свои стихи к музыке, а с другой, ощущает власть слова над человеком как проявление определённой

божественной сущности, нечто большее, чем наслаждение от музыки или познания, момент творческой экзальтации (в духе философской традиции М. Хайдеггера).

Обращение Бальмонта-переводчика к поэзии С. Кольриджа и У. Вордсворда тоже неслучайно. Романтизм в английской поэзии (как и немецкий романтизм) необыкновенно близок и образу Бальмонта, и его вкусам в поэзии. С. Кольридж, как известно, пишет знаменитую неоконченную поэму «Кубла Хана, или Видение во сне» — произведение, которое ему помогает опубликовать Байрон и которым автор безумно гордился. Кольридж, Вордсворд, де Квинсли (автор нашумевшего «Признания англичанина опиомана») обитают в Озёрном крае, живут в доме у Вордсворда. Сюда же приезжает и Вальтер Скотт. К этой группе поэтов примыкает и Мэри Шелли, та самая, которая в 19 лет написала «Франкенштейна», совершенно сразившее Д. Г. Байрона, заметившего, что такое произведение поразительно для юной девушки (диалектическое мышление: чудовище одновременно и жертва, и палач; открытия Франкенштейна свидетельствуют и о его разуме, и о его ограниченности). Все эти атрибуты английской прозы эпохи романтизма (которой предшествует, конечно, «готический роман» и немецкий романтизм в лице Гёте, Гейне, Шиллера) ложатся на совершенно дивную почву. Бальмонт просто был создан для того, чтобы переводить такого рода произведения. Сложно проводить параллели в жизни, но они невольно напрашиваются. Мэри Шелли (в девичестве Годвин) убегает с Перси Шелли (своим будущим мужем) за границу, в то время когда его первая жена заканчивает жизнь самоубийством. Для Бальмонта тоже эти «прыжки в окна» обычная практика, как и для других поэтов эпохи. Авторы-англичане, представители романтизма, умирают как раз, когда рождается Бальмонт. Он своего рода продолжатель их традиций. Неслучайно, он так забавно просит своих жён говорить о себе в третьем лице, да и себя часто называет «поэтом» [10]. Дело в том, что для романтиков — это сознательный отказ от рациональности XVIII века, обожествления безумствования, страсти, демонических проявлений. Поиск иррационального — это, собственно, и есть задача художника, так её формулировали Гёте и Шиллер, а впоследствии многократно и немецкий писатель первой половины XX века Герман Гессе. Достаточно вспомнить, как Шиллер советует Гёте по-другому написать вторую часть «Фауста», именно поэтому Мефистофель и получается таким живым и очаровательным.

Удивительно плачевен был финал Бальмонта. По воспоминаниям Марины Цветаевой, на его похоронах в осаждённой Франции было всего несколько человек, а могила, куда опустили гроб, была наполовину наполнена водой [7]. Судьба Бальмонта в чем-то напоминает судьбу Оскара Уайльда, она также трагична: достигнув вершины эстетизма, оба падают вниз, на самое

дно. Есть в этом какой-то заданный историей смысл, путь, ведущий, может быть, к раскаянию. Для поэтов Серебряного века, а особенно для Бальмонта, различия между жизнью и поэзией практически нет. Оба мира живут параллельно и часто пересекаются. Поэт черпал вдохновение и из литературы, и, собственно, из своей жизни, эмоций, из мифов своей эпохи и мифа, который он создал о самом себе.

Литература

1. Бальмонт К. Д. Поэзия Оскара Уайльда // Весы. 1904. № 1. С. 22-40.
2. Бальмонт К. Руставели // Руставели Ш. Витязь в барсовой шкуре. М.:Азбука-классика, 2010. 287 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
4. Вейдле В. В. О поэтах и поэзии. Париж: YMCA-Press, 1973. 203 с.
5. Венгерова З. А. Суд над Оскаром Уайльдом // Новая жизнь. СПб., 1912. № 11. С. 157-179.
6. Владимирова В. Оскар Вильде как русский писатель // Челябинск. Новый день 2014. 16 октября.
7. Зайцев Б. К. Далёкое. Воспоминания. Washington: Inter-Language lit. associates, 1965. 202 с.
8. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 352 с. (Сер. Жизнь замечательных людей).
9. Сушко Е. Л. Формирование Уайльдовского мифа в русской литературе Серебряного века // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках. М.: Международный гуманитарно-лингвистический институт, 2016. С. 38-41.
10. Щербак Н. Любовь поэтов Серебряного века. М; СПб: Астрель, 2012. 221 с.